

Говард Филлипс Лавкрафт

Космический цвет

(The Colour Out of Space)

Холмы к западу от Эркхэма необитаемы, в долинах стоят не тронутые вырубками дремучие леса. На отвесных склонах узких, темных ложбин непостижимым образом удерживаются густые деревья, а лесные ручьи нигде в своем течении не открываются солнечным лучам. На более пологих холмах, цепляясь за широкие уступы, примостились старые фермерские домики, приземистые и заросшие мхом, хранящие секреты старой Новой Англии. Они все пусты, их широкие трубы рассыпаются, а покосившиеся деревянные стены едва удерживают низкие треугольные крыши.

Первые поселенцы ушли, и приезжавшие иностранцы тоже не удержались. Здесь были и франко-канадцы, и итальянцы, и поляки, но никто не прижился. Что-то мешает людям селиться здесь, что-то, чего не увидеть, не услышать, не ощутить, а можно только вообразить. Здесь разыгрывается фантазия и появляются кошмарные сны. Должно быть, именно поэтому поселенцы избегают этих мест, ведь они никогда не слышали рассказов Амми Пирса о том, что произошло здесь в те Странные дни. Амми, который с тех пор не в себе, один остался жить в этих лесах и только он не боится говорить о Странных днях, наверное, потому, что его дом стоит среди открытых полей на перекрестке оживленных дорог, идущих вокруг Эркхэма.

Раньше здесь была прямая дорога через холмы и долины, там, где сейчас Окаянная пустошь. Но дорогой перестали пользоваться и проложили новую, огибающую это место далеко с юга. Старая дорога не совсем еще заросла наступающим лесом, ее следы сохранятся даже после того, как большую часть низин затопит новое водохранилище. Мрачные леса будут вырублены, окаянная пустошь уйдет под воду, в которой отразится голубое небо и заиграют солнечные зайчики. И загадка Странных дней останется в глубине, сольется с тайнами древнего океана и первобытной земли.

Когда я первый раз направился к диким холмам, чтобы наметить место для нового водохранилища, жители Эркхэма предупредили меня, что это дурное место. Но в старых городках всегда ходят легенды о ведьмах, и я отнес это предостережение к тем сказкам, которые няньки веками нашептывали детям. Само название Окаянная пустошь представлялось мне нелепым и театральным. Удивительно, как оно появилось в фольклоре местных пуритан! Потом я сам увидел протянувшиеся на западе зажатые крутыми склонами дремучие заросли и уже не удивился бы, какие бы древние тайны здесь ни открылись. Я пришел на место утром, но там еще господствовал мрак. Ни в одном новоанглийском лесу я не видел, чтобы такие мощные деревья росли столь густо. Под их темными кронами было слишком тихо, и ноги ступали неуверенно, чересчур глубоко утопая в разросшихся, годами не тронутых мхах.

На открытых склонах вдоль старой дороги виднелись маленькие фермы. Кое-где на них сохранились все постройки, кое-где — только домики, а местами лишь одинокая труба или затопленный погреб. Густо разрослись сорные травы и шиповник, что-то неуловимое и дикое шелестело в подлеске. Меня не покидало чувство беспокойства и угнетенности, пейзаж казался

ирреальным и гротескным, как будто была нарушена перспектива или светотень. Не удивительно, что здесь никто не селился: в таком окружении невозможно спокойно спать. Слишком похоже на картины Сальватора Розы, слишком напоминает заколдованный лес в сказках.

Но все это не могло даже сравниться с Окаянной пустошью. Едва я увидел ее в центре просторной низины, я понял, что никакого другого названия нельзя дать подобному месту и что трудно найти другое место, которому дали бы такое название. Словно поэт изобрел его, взглянув именно в эту долину. Должно быть, рассуждал я, это последствия пожара, но почему тогда не видно новой поросли? Среди пышных лесов и полей зияло огромное, в пять акров, безжизненное пятно, как будто выжженное кислотой. Оно простиралось в основном к северу от старой дороги, но захватывало небольшой участок и по другую ее сторону. Я почувствовал инстинктивное нежелание приближаться, но дело требовало, чтобы я прошел дальше. На мертвой земле не видно было никакой растительности, только мелкая серая пыль или зола, которую, кажется, даже не раздувал ветер. Вокруг валялось или стояло, догнивая, множество голых стволов, а ближайшие деревья были чахлые и низкорослые. Пока я спешно пересекал пятно, справа я успел заметить развалины печной трубы и погребца, и открытый, заброшенный колодец, тяжелые испарения которого странно искажали солнечный свет. Я был рад, когда, наконец, достиг заросшего лесом склона, по которому мне предстояло подняться, и теперь страхи обитателей Эрксэма не казались мне надуманными. Поблизости не было никаких других строений, должно быть, это место и раньше не было особенно притягательным. Возвращаясь, я сделал крюк по новой дороге, не решившись в сумерках идти через зловещую низину, словно отражавшую темную пустоту вечернего неба. Мне было бы уютнее, если бы его заслонили облака.

Вечером я стал расспрашивать старожилов Эрксэма об Окаянной пустоши и о том, что здесь подразумевалось под загадочными словами «странные дни». Я не узнал ничего определенного, кроме того, что вся история была совсем не такой уж древней. И вообще, эти события не были легендой, они произошли еще при жизни рассказчиков, в 80-е годы прошлого века. Тогда пропала или была убита целая семья, а большего никто говорить не хотел. И так как мне настойчиво советовали не обращать внимания на глупые сказки Амми Пирса, который жил в старом домишке около леса, там, где деревья становились чересчур крупными, я на следующее же утро разыскал его. Жилище Пирса стояло так давно, что уже начало источать тот специфический запах, который присущ только очень старым домам. Мне пришлось долго стучать, пока я не услышал за дверью медленное старческое шарканье. Впрочем, Пирс был далеко не так стар, но его опущенный взгляд, ветхая одежда и белая борода производили гнетущее впечатление.

Я не знал, как лучше навести его на воспоминания, поэтому для начала заговорил о планах строительства водохранилища, своих изысканиях и задал ему несколько невинных вопросов о местности. Он отнюдь не был тем слабоумным невежей, каким мне его представляли, он не хуже других понял, о чем идет речь. Но в отличие от других крестьян, он, похоже, не жалел, что придется затопить много леса и пахотных земель (возможно, потому, что к его жилью это не относилось). Казалось, он даже испытывал облегчение от того, что темные старые долины, с которыми была связана вся его жизнь, были обречены. Им лучше быть под водой после того, что случилось в Странные дни. При этих словах его хриплый голос дрогнул, он подался вперед и многозначительно поднял трясущийся указательный палец.

И вот я услышал его беспорядочный рассказ. Голос старика то скрипел, то опускался до шепота, и, несмотря на летний день, меня охватывала дрожь. По ходу разговора мне приходилось все время возвращать его к основной линии, угадывать научные термины, которые он, коверкая, припоминал из бесед профессоров, соединять отдельные куски, так как логикой и связностью его рассказ не отличался. Когда он закончил, я уже не удивлялся, что после тех событий он повредился разумом и что жители Эрксэма не любят говорить об Окаянной пустоши. Я постарался уйти домой

до темноты, чтобы не видеть над собой открытого звездного неба. На следующий день я уехал в Бостон и подал в отставку. Я не смог бы заставить себя еще раз войти в сумрачный, дикий лес на холмах и приблизиться к Окаянной пустоши с бездонным, открытым колодцем, зияющим среди развалин. Скоро там построят водохранилище, и старые тайны будут погребены под толщей воды. Но даже тогда мне не хотелось бы оказаться в этих местах ночью, особенно в безоблачную погоду, когда небо усыпано зловещими звездами, и ничто не заставит меня выпить воды из нового эрксэмского водопровода.

По словам Амми, все началось с метеорита. До него местные жители не боялись ходить в леса на западных холмах, а легенды рассказывали только о судилищах над ведьмами, которые якобы вершил дьявол на небольшом островке около Мискатоника, где сохранился необычный каменный алтарь, более древний, чем здешние индейские племена. Все другие окрестности не считались опасными, и даже темные ночи никого не пугали. Но однажды в полдень на небе появилось белое облако, в воздухе послышалась серия взрывов, а потом из лесной долины показался дымок. К ночи уже весь Эрксэм знал, что на ферме Наума Гарднера, прямо на дворе перед колодцем, упал с неба огромный камень. Тогда не месте Окаянной пустоши стояла ферма — аккуратный белый домик, окруженный пышным фруктовым садом.

Наум отправился в город, чтобы рассказать о случившемся, и по дороге заглянул к Амми Пирсу. Амми тогда было сорок лет, и все происшедшее он запомнил хорошо. На следующее утро из Мискатонского университета приехали трое ученых, и Амми с женой вызвались проводить их на ферму Наума. Роковой посланец бесконечности ждал их на выжженной траве, среди комьев земли, возле колодца, перед домом, но он оказался отнюдь не таким большим, как его описывал Наум. Тот утверждал, что глыба усохла, однако ученые заметили ему, что камни не усыхают. Метеорит оставался теплым и, по словам Наума, светился ночью в темноте. Когда по нему ударили молоточком, он оказался удивительно мягким, почти как резина, так что образец породы для дальнейших исследований ученые скорее оторвали, чем откололи. Даже тогда кусок оставался горячим, и поэтому его положили в старое ведро из кухни Наума. На обратном пути профессора остановились у Амми Пирса и уже не проявили скептицизма, когда миссис Пирс сказала им, что образец прожег дно ведра и уменьшился. Действительно, он был совсем небольшим, но, может быть, им просто показалось, что они брали больше. Через день — а все это происходило в июне 1882 года — профессора вернулись с явно возросшим интересом. Остановившись у Амми, они рассказали, что образец, положенный в стеклянную пробирку, исчез вместе с ней. Вероятно, рассуждали они, странный камень чувствителен к кремниевым соединениям. Вообще, образец вел себя невероятным образом. Не изменялся при нагревании на углях, будучи удивительно жаропрочным, не проявлял признаков испарения при высоких температурах, даже в кислородно-водородной горелке. Он, правда, обладал хорошей ковкостью и светился в темноте. Сохраняющаяся теплота образца удивляла весь колледж, а когда в спектроскопе образец показал окрашенные лучи, отличающиеся от всех известных цветов нормального спектра, заговорили о новых элементах, об особых оптических свойствах и обо всех прочих вещах, которые склонны обсуждать ученые, столкнувшиеся с неизвестностью.

Остающийся теплым образец исследовали в плавильном тигле. Вода не произвела на него ни малейшего воздействия. Как и соляная кислота. Азотная кислота и царская водка только шипели и брызгались на неуязвимом камне. Амми с трудом вспоминал эти названия, но я знаком с обычным пот рядом лабораторных исследований, поэтому догадывался, что он имел в виду. Пробовали воздействовать аммиаком и едким натром, этиловым спиртом и эфиром, сероуглеродом и еще многими реактивами. Но, хотя образец постепенно уменьшался и остывал, никаких признаков химической реакции не было. Несомненно, это был металл, он обладал магнетизмом, а после погружения в кислотные растворы на метеорите появилось нечто, похожее на фигуры

Виндменштеттена. Когда образец охладился, решили продолжить исследование на стекле. Именно тогда образец положили на ночь в стеклянную пробирку, а утром они бесследно исчезли, оставив на деревянной полке обугленное пятно.

Отдохнув у Пирсов, ученые двинулись к Науму, и Амми снова отправился с ними, но без жены. Камень, несомненно, уменьшился, и даже самые недоверчивые профессора были вынуждены это признать. Вокруг коричневого камня образовалось свободное пространство, с семи футов в поперечнике он ужался до пяти. Он был еще теплый, ученые вновь внимательно осмотрели его поверхность и взяли еще кусочек для исследований. Потом они воткнули долото внутрь камня и разломали его. Внутри он оказался неоднородным.

В камне скрывался довольно крупный яркий шарик. Его совершенно не поддающийся описанию цвет напоминал необычное излучение, показанное образцом в спектрографе. Собственно говоря, цветом это можно было назвать лишь условно. Сам шарик был гладким на ощупь, при постукивании казался хрупким и пустотелым. Один из ученых чересчур сильно ударил его молоточком, и он с громким хлопком взорвался. После взрыва шарик исчез бесследно, без единого осколка. Только на камне осталась круглая выемка диаметром около трех дюймов. В надежде обнаружить что-нибудь еще, профессора решили тщательнее обследовать породу.

Однако их предположения не оправдались, камень просверлили в нескольких местах, но других шариков не нашли. Вскоре ученые уехали, взяв новые образцы. Их исследования дали все те же обескураживающие результаты. Вещество было пластичным, теплым, магнитным, светящимся, постепенно охлаждалось в сильных кислотах, излучало необычный спектр, исчезало на воздухе и вступало с кремниевыми соединениями в реакцию взаимного уничтожения. Однако никаких других свойств выявить не удалось. В конце концов ученым пришлось признать, что они не могли идентифицировать это вещество. Оно не походило ни на один из известных земных элементов. Оно происходило из космоса, обладало космическими свойствами и подчинялось космическим законам.

Следующей ночью была гроза, а когда наутро профессора снова явились к Науму, их ждало разочарование. Магнитный камень, вероятно, обладал особенными электрическими характеристиками, потому что неизменно «притягивал молнии», как выразился Наум. Шесть раз на ночь молния ударяла рядом с колодецем, где он лежал, а наутро там осталась только неровная яма, да колодец был наполовину засыпан комьями земли. Попытки раскопать яму и колодец ничего не дали, и ученым оставалось лишь зафиксировать факт бесследного исчезновения вещества. Провал был полным. Они должны были поспешить в лабораторию и продолжить исследования оставшегося уменьшающегося образца, который теперь хранили в свинце. Он полностью исчез через неделю, в течение которой ничего нового выяснить не удалось. А через некоторое время сами ученые уже с трудом верили, что когда-то своими глазами видели этот одинокий таинственный осколок иных миров, иных сил, иной реальности.

Естественно, эрксэмские газеты не могли остаться безучастными к сенсационным событиям, и к Науму зачастили репортеры. Из одного бостонского еженедельника прислали даже писателя, и Наум стал местной знаменитостью. Это был худой и добродушный пятидесятилетний крестьянин, живший с женой и тремя сыновьями на собственной ферме. Они с Амми уже много лет дружили, как и их жены, и в своем рассказе Амми очень тепло вспоминал Наума. Тот, казалось, гордился своей неожиданной популярностью и охотно говорил о метеорите. Июль и август в тот год выдались жаркими. Наум усердно заготавливал сено на своем лугу в десять акров, расположенном за ручьем Чэпман, и его старая повозка так часто ездила от луга к дому, что укатала настоящую дорогу. Наум уставал куда больше, чем в былые годы, и начал жаловаться на возраст.

Пришло время фруктов. Груши и яблоки постепенно созревали, и Наум клялся, что такого урожая у него еще не было. Плоды уродились на удивление крупные, налитые и в таком изобилии, что пришлось заказать дополнительные бочки. Но Наума ждало горькое разочарование: все эти красавцы были совершенно несъедобны. И яблоки, и груши имели такой тошнотворно-горький вкус, что даже крохотный кусочек вызывал стойкое отвращение. То же самое случилось с помидорами и дынями, и Наум с грустью понимал, что все его труды были напрасны. Он считал, что это метеорит отравил землю, и благодарил Бога за то, что большая часть посевов была на холме за дорогой.

Зима была ранней и холодной. Амми реже видел Наума и стал замечать, что тот выглядит озабоченным. Его домашние тоже казались притихшими и молчаливыми. Они стали реже ходить в церковь и к соседям. Хотя причин для меланхолии у них вроде бы не было, все они жаловались на слабость и необъяснимое беспокойство. Лично Наума беспокоили следы на снегу. Это были обычные следы белок и зайцев, но что-то в них было не так. Он не мог ничего уточнить, только говорил, что их расположение и глубина не соответствуют нормальным беличьим, заячьим и лисьим следам. Амми пропускал эти рассказы мимо ушей, пока однажды ночью, проезжая на санях мимо фермы Наума, он не увидел в лунном свете зайца. Его прыжки показались Амми слишком уж длинными, а конь испугался и кинулся в галоп. После этого случая Амми стал внимательнее прислушиваться к рассказам Наума и заметил, что по утрам собаки у него на ферме выглядят затравленными и почти перестали лаять.

В феврале сыновья Мак-Грегора из Медоу Хилл охотились недалеко от фермы Гарднера и подстрелили необычного дятла. Тело его казалось деформированным, а в глазах застыло такое неопишное выражение, какого никто не мог бы ожидать увидеть у пернатого существа. Ребята были по-настоящему напуганы и поскорее выбросили птицу, и только рассказы о ней потом обошли окрестности. Но уже всеми было замечено, что около дома Наума лошади ускоряют бег, и этого было достаточно, чтобы начали складываться поверья.

Весной стали говорить, что вокруг фермы Наума снег тает быстрее, а в марте в магазине Поттера на Кларк Корнерс разгорелся настоящий спор. Стефан Райс рассказывал, что когда он проезжал утром мимо фермы Гарднера, то заметил взошедшие симплокарпусы невиданного размера. Они были жутких форм, совершенно непередаваемого цвета и источали невыносимый запах, от которого конь Стефана начал храпеть и фыркать. Несколько человек поехали к Науму посмотреть на необычную растительность и решили, что на здоровой почве такое бы не выросло. Вспоминая прошлогодние несъедобные фрукты, все сходились на том, что земля у Наума отравлена. Конечно, виной всему был метеорит. Вспомнив, каким необычным находили камень ученые, некоторые фермеры сообщили новости в университет.

Вскоре Наума навестили ученые. Они явно не доверяли фольклорным сказкам и в своих выводах были очень консервативны. Да, симплокарпусы очень необычны, но это растение всегда имеет замысловатую форму и цвет. Наверное, из метеорита в почву попали какие-то минеральные вещества, ну, что же, они, как правило, быстро вымываются. А что касается следов на снегу и испуганных коней — так это просто крестьянские предрассудки, которые неминуемо должно было породить такое редкое явление, как метеорит. Эти крестьяне наговорят чего угодно и поверят в любые небылицы, но серьезным людям тут делать нечего. Поэтому все Странные дни ученые отсутствовали. Только через полтора года один из них, исследуя по просьбе полиции два образца пыли, припомнил и цвет симплокарпусов, и странные лучи образца в спектроскопе, и блеск шарика, найденного внутри метеорита. У пыли был тот же оттенок, однако со временем он исчез.

Деревья в саду у Наума расцвели раньше времени, и по ночам они стали ужасно раскачиваться на ветру. Пятнадцатилетний Таддеуш, второй сын Наума, клялся, что они раскачиваются и в безветрие, но в этом сомневались даже самые легковверные. Однако в воздухе витало какое-то беспокойство. У всей семьи выработалась привычка украдкой прислушиваться, хотя они не могли вразумительно объяснить, к чему именно. Такое случалось все чаще и чаще, и вскоре вся округа говорила, что в «в семье Наума что-то не в порядке». Появившиеся на ферме камнеломки тоже были необычного цвета, не совсем такого, как симплокарпусы, но похожего на него и опять-таки никем не виданного. Наум отвез несколько цветков в Эркхам и показал их редактору «Газетт», но этот достойный человек не нашел ничего лучшего, как написать фельетон, высмеивающий предрассудки сельчан. Науму не стоило рассказывать насмешливому горожанину, как кружатся над этими камнеломками гигантские бабочки-траурницы.

В апреле у крестьян сформировалось новое суеверие: они перестали пользоваться дорогой, проходившей мимо фермы Наума. Дело было в растительности. Расцветшие садовые деревья сияли невероятными оттенками, на каменистом дворе и прилегающем выпасе пробивались причудливые травы, известные, наверное, только ботаникам и необычные для здешних мест. Нормальную зелень сохранили только листья и трава, все остальное приобрело неверные, лихорадочные оттенки того навязчивого, нездорового цвета, который не сравним ни с одной из известных земных красок. Бикукуллы стали пугающими, а цветки волчьей стопы, казалось, нарочно выставляли напоказ извращенные тона. Науму и Амми все эти переливы напоминали один цвет — цвет найденного в метеорите шарика. Наум вспахал и засеял только десятиакровый луг и участок на холме, но ничего не стал делать вокруг дома в низине. Он знал, что это не имело смысла, только надеялся, что нездоровая растительность вытянет ад из земли. Он уже ничему не удивлялся и привык к ощущению, что рядом находится нечто, к чему следует прислушаться. Изоляция начала сказываться на нем, но еще больше на его жене. Мальчикам было легче, они каждый день ходили в школу, но и их настигали сплетни. Особенно страдал чувствительный Таддеуш.

В мае появились насекомые, и во дворе у Наума началось нечто невообразимое. Слетающиеся и сползающиеся к нему создания не были похожи на привычных местных жуков, бабочек и мух. Гарднеры теперь все время опасно осматривались по сторонам, словно ожидая чего-то — они сами не знали чего. Именно тогда они признали, что Таддеуш был прав насчет деревьев. Вслед за ним Миссис Гарднер заметила, что набухшие ветви клена шевелились в безветренную лунную ночь. Наверное, двигались соки. Следующее открытие сделали уже на Гарднеры, привыкшие к чудесам, а тихий приказчик мельника из Бостона. Не зная местных поверий, он проезжал ночью мимо злополучной фермы, а через несколько дней все фермеры, включая и Наума, прочли в «Газетт» его рассказ. Ночь была темня, огни на его повозке погасли, но вокруг фермы Наума, о которой он раньше читал, темнота редела. Казалось, что листья, трава, цветы испускали слабое свечение, и еще одно яркое пятно виднелось на заднем дворе, возле конюшни.

Так как трава сохраняла нормальный вид, коровы паслись на обычном месте около дома, но к концу мая молоко у них стало портиться. Наум перегнал коров на пастбище на холме, и они поправились. А через некоторое время уже стали заметны перемены и в траве, и в листьях. Вся зелень становилась серой, необычайно сухой и ломкой. Амми оставался единственным из соседей, кто еще отваживался навещать Наума, но и он делал это все реже. Когда в школе начались каникулы, Гарднеры оказались совсем отрезанными от общества и даже свои дела в городе теперь поручали Амми. Все они заметно сдали, и морально, и физически, а когда стало известно о помешательстве миссис Гарднер, никто особо не удивился.

Это случилось в июне, примерно через год после падения метеорита. Бедная женщина кричала, что в воздухе висит нечто, пугающее ее. Она ни разу не назвала ничего определенного, только

рассказывала, что «оно» делает. «Оно» двигалось, изменялось и колыхалось, а у нее в ушах отдавались какие-то сигналы, какие-то необычные звуки. Что-то уходило, из нее что-то вытягивали, что-то связывало ее, неужели никто ее от этого не защитит, ночью не было покоя — стены и окна двигались! Она целыми днями бродила по дому, становясь все агрессивнее, но Наум не хотел отправлять ее в лечебницу. И только когда дети стали ее пугаться, и Таддеуш чуть не упал в обморок от ее гримас, Наум запер ее на чердаке. К июлю она перестала говорить и опустилась на четвереньки, а еще через месяц Наум с ужасом заметил, что она стала светиться, как и растения.

Незадолго до этого ночью всполошились кони. Их что-то разбудило, и они дико ржали и лягались в стойлах. Наум ничем не мог их успокоить и решил выпустить их из конюшни. Едва он открыл дверь, они унеслись, как вспугнутые олени, и он целую неделю не мог их найти. Когда он, наконец, поймал всех четверых, они были совершенно безумными, и их пришлось пристрелить. Для сенокоса Наум одолжил лошадь у Амми, но она никак не хотела даже приближаться к скотному двору. Она упиралась, била копытами, ржала, и под конец Наум был вынужден выпрячь ее на переднем дворе и вместе с сыновьями тянуть тяжелые телеги к сеновалу. А растительность становилась все более серой и ломкой. Даже цветы, переливавшиеся необычайными красками, посерели, и фрукты уродились серые, мелкие и безвкусные. На астрах и золотарниках распустились серые, деформированные цветы, а цинии, розы и алтей имели такой богопротивный вид, что Наум велел старшему сыну Зенасу выкорчевать их. Насекомые к этому времени уже вымерли, странно раздувшись, даже пчелы, хотя они покинули ульи и улетели в лес.

К сентябрю вся растительность стала крошиться в серый порошок, и Наум боялся, что деревья погибнут раньше, чем яд вымоется из почвы. На его жену регулярно находили припадки истерии, и он с сыновьями жил в постоянном напряжении. Теперь они сами сторонились людей, и когда начались занятия, мальчики не пошли в школу. Амми, все еще изредка заходивший к ним, обнаружил, что вода в колодце испортилась. У нее был дурной привкус, нельзя точно сказать, сероводородный или соленый, и Амми посоветовал другу выкопать другой колодец на холме и пользоваться им, пока яд не выйдет из почвы. Наум, однако, не послушался, он уже смирился с неприятностями. И он, и мальчики продолжали пить гнилую воду, есть скудную и плохо приготовленную пищу, тянуть бесцельную, неблагодарную работу по хозяйству. У них выработалось что-то похожее на самоотречение, словно они ушли в иной мир, и невидимые стражи направляли их к неизбежному роковому концу.

Таддеуш сошел с ума в сентябре. Он отправился за водой к колодцу, прибежал обратно без ведра, крича и размахивая руками, потом начал бессмысленно хихикать и шептать что-то о «пляшущих там цветах». Двое сумасшедших в одной семье — это было уже слишком, но Наум стоически встретил удар. Неделю он еще позволял мальчику бегать по двору, пока тот не начал спотыкаться и падать, а потом запер его на другом конце чердака, напротив матери. Они кричали друг на друга через закрытые двери, пугая маленького Мервина, которому казалось, что мать и брат говорят между собой на каком-то ужасном неземном языке. Мервин становился слишком впечатлительным и беспокойным, особенно после изоляции старшего брата, к которому он был очень привязан.

Почти в то же время начался мор на скотном дворе. Птица стала серой и вскоре вымерла; мясо ее было сухим и зловонным. Бычки невероятно растолстели и вдруг все были поражены отвратительной болезнью, причины которой никто не мог объяснить. Их мясо было, конечно, несъедобным, и Наум был в отчаянии. Ни один из местных ветеринаров не соглашался ехать к Науму, а ветеринар, приглашенный из города, был просто обескуражен. Свины стали серыми, иссохлись и крошились заживо, их глаза и мышцы чудовищно раздулись. Это было необъяснимо, ведь их никогда не кормили пораженными растениями. Затем что-то случилось с коровами. Отдельные участки тела у них неестественно ссыхались, сморщивались, нарушалась координация

движений, животные не держались на ногах. Потом появились серость и хрупкость, за которыми последовала неизбежная гибель. Отравление исключалось, так как дверь хлева запиралась и следов взлома не было видно. Не могло быть покусов дикими животными, хлев был прочным и без щелей. Это была болезнь, но какая, никто не знал. К уборке урожая на ферме не осталось ни одного животного: скотина и птица вымерли, а собаки разбежались, все три пропали в одну ночь, и больше их не видели. Пять кошек исчезли еще раньше, но это никого не беспокоило: мыши на ферме уже перевелись, и миссис Гарднер держала грациозных животных только для красоты.

19 октября Наум прибежал к Амми с ужасной новостью. На чердаке умер Таддеуш, умер страшной смертью. Ничто не могло проникнуть в комнату снаружи, так как запертая дверь и зарешеченное окно не были тронуты. Но его смерть была слишком похожа на то, что произошло с животными. Наум похоронил останки сына за фермой. Амми и его жена утешали убитого горем отца, но сами содрогались. Страх окружал Гарднеров и все, к чему они прикасались, само их присутствие в доме, казалось, притягивало неисчислимы и невероятные беды. Амми нехотя проводил Наума домой и, как мог, успокоил истерически рыдающего Мервина. Зенас не нуждался в утешениях. Последнее время он только бесцельно смотрел в пространство и машинально выполнял все, на что ему указывал отец: Амми считал, что судьба милосердна к нему. Иногда в ответ на рыдания Мервина с чердака раздавались вопли миссис Гарднер, и на вопросительный взгляд Амми Наум ответил, что его жена очень плоха. К ночи Амми удалось улизнуть, потому что даже дружба не могла заставить его провести ночь в таком месте, где растения светятся, а деревья качаются — или все-таки не качаются? — в безветрие. К счастью для Амми, он не обладал богатым воображением. Даже то небольшое, что он увидел, пагубно повлияло на его рассудок, а если бы он еще дал волю фантазии, то стал бы настоящим маньяком. В сумерках он почти бежал домой, а в ушах у него не умолкали крик нервного ребенка и сумасшедшей женщины.

Через три дня Наум снова ворвался к Амми. Хозяина не было дома, и он кинулся к дрожащей от ужаса хозяйке. На этот раз речь шла о Мервине. Он пропал. Поздно вечером он, взяв ведро и фонарик, пошел к колодцу. В последнее время он был очень плох, не вполне понимал, что делает, вскрикивал по малейшему поводу. Вот и тогда со двора раздался громкий крик, но не успел Наум подбежать к двери, как мальчик исчез. Не было видно ни света фонарика, ни следов ребенка, хотя Наум обегал за ночь все окрестности. Он решил, что и ведро с фонарем пропали, но на рассвете обнаружил кое-что у колодца. Помятый и оплавленный кусок железа напоминал фонарик, а от ведра остались обожженные, скрученные металлические обручи и погнутая ручка. И все. Наум был близок к помешательству, миссис Пирс совсем оцепенела от страха, и пришедший Амми тоже не смог ничего посоветовать. Мервин пропал, бесполезно было обращаться к кому-то из соседей, все они теперь шарахались от Гарднеров; бесполезно было сообщать в Эркхам, горожане только посмеялись бы над деревенскими предрассудками. Сначала умер Таддеуш, потом пропал Мервин, что-то подбиралось, подкрадывалось, пока еще невидимое и неслышимое. Наум ждал своей очереди и просил Амми присмотреть за миссис Гарднер и Зенасом. Должно быть, это наказание, но он не мог понять, за что именно, всю жизнь он, насколько мог, старательно следовал всем божьим заповедям.

Две недели Амми не видел Наума и, когда беспокойство пересилило страх, поутру поехал к Гарднерам. Над трубой не видно было дыма, и Амми приготовился к худшему. Вообще, вид фермы был ужасен — серые, увядшие листья и травы, сухие вьюнки мелкими кусочками осыпались со старых стен и крыши, огромные деревья цеплялись голыми ветками за серое ноябрьское небо. Они, казалось, вытянулись выше обычного, и в этом Амми мерещилась скрытая угроза. Но Наум был жив. Он лежал на кушетке в низенькой кухне, очень слабый, но в полном сознании, даже покрикивал на Зенаса. Дом был нетоплен, и когда Наум заметил, что Амми поеживается, то велел Зенасу принести еще дров. Дрова действительно были необходимы, так как камин был пуст, не

зажжен, только сквозной ветер из трубы раздувал горстку золы. Когда Наум спросил Амми, теплее ли ему от новой порции дров, все стало ясно. Крепчайший стержень сломался, и от новых напастей несчастного защищало безумие.

Амми стал осторожно расспрашивать, как Зенас, но ничего не добился. «В колодце, он живет в колодце», — твердил несчастный отец. Амми вспомнил о сумасшедшей жене Наума и перевел разговор на нее. «Набби? Да вот же она», — удивился тот, и Амми решил, что лучше будет поискать самому. Оставив заговаривающегося друга в кухне, он снял с гвоздя связку ключей и по скрипучей лестнице поднялся на чердак. Там было темно, душно и тихо. Только одна из четырех дверей была заперта, и он стал подбирать к ней ключ. Третий ключ подошел, и, повозившись с замком, Амми распахнул низенькую белую дверь.

Сначала он почти ничего не увидел, так как маленькое окошко, полускрытое грубой деревянной решеткой, совсем не пропускало свет. Но запах был невыносим, и Амми пришлось выйти, чтобы набрать в легкие чистого воздуха. Когда он снова вошел в комнату, то заметил что-то на полу в углу, а подойдя поближе, не удержал громкого крика. В тот же момент ему показалось, что небольшое облачко заслонило окно, а затем он словно ощутил рядом с собой чье-то влажное дыхание. Перед глазами у него плясали неопишуемые яркие блики, и если бы он не был полностью парализован страхом, то сравнил бы их с цветом раздробленного шарика, скрывавшегося в метеорите, с нездоровой растительностью, пробившейся по весне. Но в тот момент он думал только об открывшихся чудовищных останках, напомнивших ему, во что превратились несчастный Таддеуш и скотина во дворе. Но самым ужасным было то, что жуткие останки еще пытались шевелиться, рассыпаясь при малейшем движении.

Дальнейших подробностей этой сцены Амми мне не описывал, но и о том, что останки шевелились, больше не упоминал. Есть вещи, о которых не принято говорить вслух; очень часто действия, продиктованные гуманизмом, строго караются законом. Я думаю, что Амми не оставил в комнате ничего живого, ибо оставить там живое существо означало бы обречь его на дальнейшие неисчислимы муки. Другой бы на мест Амми давно бы лишился рассудка, но выносливый крестьянин нашел в себе силы выйти из комнаты и запереть за собой дверь. Ему еще предстояло заняться Наумом: его надо было накормить, согреть и отправить куда-нибудь в больницу.

Спускаясь по темной лестнице, Амми услышал глухой удар за спиной. Ему даже померещился заглушенный крик. Он вспомнил о почудившемся ему дыхании в той страшной комнате. Что за чудовище разбудил он своим приходом? Объятый страхом, он начал прислушиваться, нет ли какой опасности внизу. Ему послышалось, словно кого-то поволокли, а потом раздалось жуткое вампирическое причмокивание. О, боже, в какую преисподнюю его занесло? Он застыл на темной, зажатой между двух стен лестнице, не смея двинуться ни вверх, ни вниз. Каждая секунда отпечатывалась в его воспаленном мозгу. Звуки, отчаянное ожидание, темнота, замкнутое пространство лестницы — о, милосердный боже, — свечение деревянного дома: ступеней, стен, стропил, обшивки.

Вдруг со двора раздалось безумное ржание коня Амми, стремительный стук копыт и грохот колес. Охваченный паникой конь унесся так быстро, что через минуту его уже не было слышно. Не успел Амми подумать, что могло его так напугать, как раздался новый звук — похожий на всплеск воды, — вероятно, в колодце. Конь оставался во дворе непривязанным, и, когда он убежал, колесо тележки, наверное, задело ограду колодца и сбilo камень. Но это фосфоресцирующее свечение? Боже! Какой старый дом! Его же строили еще до 1670 года, даже крышу — не позже 1730-го.

Амми услышал, как внизу кто-то скребется по полу, поудобнее перехватил тяжелую палку, подобранную на всякий случай на чердаке. Взяв себя в руки, он спустился с лестницы и

направился к кухне. Но не дошел. Тот, кого он искал, еще живой, встретил его у двери. Выбрался ли он сам, или его вытащили некие сверхъестественные силы, Амми не знал, но печать смерти уже лежала на нем. Прошло всего полчаса, но он превратился в серую развалину, сухие обломки отваливались от него на пол. Амми не решился дотронуться до него, только остолбенело смотрел на исковерканное подобие человека. «Что это, Наум, что это было?» — прошептал он. Сухие, изломанные губы вымолвили свои последние слова:

«Ничего... ничего... этот цвет... жжет... оно холодное, мокрое, но жжет... оно жило в колодце... я видел... как дым... как те цветы весной... колодец грел ночью... Таддеуш, и Мервин, и Зенас... все живое... из всего высасывает жизнь... в том камне... оно прилетело, наверное, в том камне... все отравило... что ему надо?... который нашли эти, из университета... они его разбили... это тот же самый цвет... как цветы и деревья... наверное, их было много... это семена... семена... они растут... я видел на этой неделе... схватило Зенаса... он был большой мальчик, крепкий... сначала у тебя делается что-то с головой, потом оно захватывает тебя... жжет тебя... в воде, в колодце... ты был прав... это вода... Зенас не вернулся из колодца... невозможно вырваться... затягивает... ты знаешь, что там что-то не то, но все равно не уходишь... я это видел, и потом еще... Амми, где Набби?... голова не работает... не помню, когда я ее кормил... оно утянет ее, если мы не позаботимся... этот цвет... у нее на лице уже есть этот цвет, ночью... жжет и высасывает... оно не наше, там все по другому... тот профессор говорил... он прав... берегись, Амми, оно что-нибудь сделает... высасывает жизнь...»

Это был конец. Больше он ничего не смог сказать, осел на пол и рассыпался. Амми прикрыл останки красной скатертью и через заднюю дверь кинулся в поле. Он поднялся по склону и через луг, лес, по окружной дороге добрался домой. Он, не мог заставить себя пройти через передний двор мимо колодца, откуда сбежал его конь. Но он видел колодец через окно — ограда была невредима. Значит, этот всплеск был не от камня, а от чего-то еще — что-то скрылось в колодец, покончив с бедным Наумом.

Вернувшись домой, Амми, как мог, успокоил жену, перепуганную тем, что конь вернулся домой с пустой повозкой, и немедленно отправился в Эркхэм. Он коротко сообщил властям, что умерли Наум и Набби (о смерти Таддеуша уже было известно) и что признаки болезни у них те же, что и у скота и птицы. Амми подробно допросили и заставили отвезти на ферму Гарднеров трех полицейских, следователя, медицинского эксперта и того ветеринара, который пытался лечить у Наума скот. Амми не хотел туда ехать, было уже за полдень, и он боялся оставаться там до ночи, но присутствие такого количества людей его приободрило.

Шестеро представителей власти поместились в крытую парную повозку, Амми на своей тележке поехал впереди, и к четырем часам они уже был на месте. Даже ко всему привычные полицейские были потрясены видом останков. Вся картина вымершей серой фермы была ужасна, но то, что нашли на чердаке и под скатертью в кухне, было слишком. Никто не мог долго смотреть на них, даже медицинский эксперт не стал их осматривать. Он только взял образцы для лабораторного исследования, — и потом эти два превратившиеся в пыль образца опять озадачили весь университет: в спектроскопе они испускали необычный спектр лучей, такой, как метеорит полтора года назад. Через месяц это свойство у пыли исчезло, и там остались обычные щелочные фосфаты и карбонаты.

Амми не стал бы рассказывать собравшимся о колодце, если бы он знал, что они тотчас примутся за него. Солнце уже садилось, и ему хотелось поскорей убраться оттуда. Но следователь заметил, как он нервно поглядывал на каменную ограду с журавлем, и ему пришлось признать, что Наум боялся чего-то в колодце, настолько боялся, что даже не пытался поискать там пропавших Мервина и Зенаса. Полицейские тут же принялись вычерпывать затхлую воду, а Амми, дрожа, ожидал, что произойдет. Полицейские только затыкали носы и отворачивались от

зловонной жижи. Воды оказалось на удивление мало, и вскоре Мервин и Зенас, точнее — их скелеты, были найдены. В таком же невероятном состоянии были найдены останки оленя, собаки и нескольких мелких животных. Густая мутная грязь на дне колодца пузырилась от обилия испарений, а спустившийся на веревках полицейский длинным шестом не смог достать твердого дна.

Тем временем спустились сумерки, и работа продолжалась при фонарях. Потом, когда обследование колодца закончили, все вернулись в дом и поместились в старой гостиной, а серая пустошь за окном заиграла в лунных лучах необычными красками. Все были искренне обескуражены и никак не могли связать между собой плачевное состояние растительности, болезнь, поразившую и скот, и людей, необъяснимую смерть в колодце Мервина и Зенаса. Конечно, разные сплетни давно уже ходили по округе, но никто не мог поверить в чудеса, противоречащие законам природы. Понятно, что метеорит отравил землю. Но почему заболели животные и люди, ничего выросшего на этой земле не евшие? Отравленный колодец? Вполне возможно. Но что за безумие заставило двух мальчиков спрыгнуть в него? Останки свидетельствуют, что оба они страдали от той же болезни. Почему все становилось таким серым и ломким?

Следователь, сидевший около выходящего на передний двор окна, первым заметил сияние над колодцем. Уже спустилась ночь, и необычайно яркая луна освещала все вокруг, но этот свет исходил определенно из колодца, словно луч огромного фонаря поднимался к небу и переливался в лужах вычерпанной воды. Амми задрожал, так как необычный цвет этого луча был ему слишком хорошо знаком. Он видел его раньше и знал, на что он способен. Он видел его в злополучной начинке метеорита, он видел его в безумной растительности весной, он еще сегодня утром видел это облачко в зарешеченном окне чердака, где происходили такие ужасные вещи. Оно лишь промелькнуло, и потом он почувствовал холодное, влажное дыхание — а потом этот цвет убил Наума. Он сам сказал об этом в последний момент, вспомнил шарик и растения. Потом испугался конь во дворе, и что-то погрузилось в колодец — откуда теперь выпирало зловещее сияющее облако того же непередаваемого демонического цвета.

Кстати, то, что в этот напряженный момент Амми делал вполне научные заключения, свидетельствует, что в свое время он был отнюдь не безумцем. Он не мог не удивляться, что и дневное облачко на хорошо освещенном небе, и ночные испарения, затягивающие окрестности фосфоресцирующим туманом, производят на него одинаковое впечатление. В этом было что-то противоестественное, противоречащее законам природы — он вспомнил последние слова погибшего друга: «...оно не наше, там все по-другому... тот профессор говорил...»

Все три лошади, привязанные к высохшим кустам у дороги, начали ржать и бить копытами. Возчик направился было к двери, но Амми остановил его трясущейся рукой: — Не ходите, — прошептал он, — это все оно же, просто мы не знаем. Наум говорил — что-то живет в колодце и высасывает жизнь. Он говорил, что оно выросло из того шарика в метеорите, который упал прошлым летом. Он сказал — высасывает и жжет... просто как цветное облачко, такого же цвета, как там сейчас, его сразу узнаешь, и неизвестно, что это. Наум говорил, что оно питается всем живым и все время растет. Он говорил, что видел его на неделе. Это что-то оттуда, с неба, как ученые говорили про этот камень, метеорит. Он был не так устроен, не такой, как все у нас. Оно из другого мира.

Все остановились в нерешительности, а свечение во дворе продолжало нарастать, и кони бесновались все сильнее. Это были ужасные минуты: старый, казалось, пораженный проклятием дом, четыре обезображенных трупа, два из дома и два со двора, необъяснимое, зловещее свечение бездонного колодца. Амми остановил возницу чисто интуитивно, не подумав, что ему самому то

облачко и дыхание неизвестного существа не повредили, но все-таки он был прав. Никто уже не узнает, что было ночью во дворе, и, хотя это проклятие еще не коснулось ни одного находящегося в здравом рассудке человека, неизвестно, на что оно было бы способно тогда, когда оно окрепло и открыто показывало своим устремления.

Один из полицейских, стоящий у окна, коротко вскрикнул. Все взглянули на него, потом проследили направление его взгляда и застыли. Никто не промолвил ни слова. То, о чем спорили сельские болтуны, больше не нуждалось в доказательствах. Потому-то сейчас в Эрхэме не любят говорить о Странных днях, что все, находившиеся тогда в доме, утверждали: ветра в тот час не было, даже сухие серые головки гулявника, даже бахрома на крыше повозки не шелохнулись, но голые верхние ветки всех деревьев во дворе двигались. Они спазматически дергались, конвульсивно тянулись вверх, стремясь зацепиться за освещенные луной облака, бессильно хватая ночной воздух, как будто неведомая злоеющая сила дергала их из-под черных корней за невидимые нити.

Несколько секунд от волнения никто не дышал. Потом луну заслонило темное облако, и неестественное движение прекратилось, деревья мгновенно приняли свой обычный облик. А еще через мгновение у всех вырвался крик, хриплый крик суеверного ужаса: в наступившей темноте на верхушке одного из деревьев обозначились тысячи светящихся точек. Они держались на кончике каждой ветки, похожие на огни святого Эльма или сияние над головами апостолов в день Святой Троицы. Жуткое созвездие неведомых огоньков шевелилось, словно туча облепивших труп жирных блестящих мух кружилась в пляске смерти. Они были того же дьявольского цвета, которого Амми так боялся. В то же время фосфоресцирующий луч из колодца усиливался, наливался, вселяя во всех присутствующих чувство обреченности и ирреальности происходящего. Ничего подобного нормальный человек не мог бы себе представить: колодец уже не просто светился, он словно извергал поток неизвестной людям материи, целенаправленно уходившей в небо.

Дрожащий ветеринар подошел к двери, подпер ее крепкой балкой. Трясущийся Амми уже не мог говорить и только показывал на деревья, тоже начавшие светиться. Кони продолжали неистовствовать во дворе, но ни за какие земные блага никто сейчас не решился бы выйти из дома. Деревья сияли все ярче, их напряженные ветви вытянулись почти вертикально вверх. Вскоре заблестели ограда колодца и журавль. Один из полицейских молча показал на старые доски и улы, лежавшие неподалеку — они тоже фосфоресцировали. Нормальный вид сохраняли пока только повозки и кони, беснующиеся во дворе на привязи. Амми даже затушил лампу, чтобы лучше взглянуть в полумрак. Но вот кони, впряженные в полицейскую повозку, рванулись, оборвали привязь, обломили куст и унеслись вместе с повозкой.

Внезапное бегство коней развязало языки, и со всех сторон послышался нервный шепот. «Оно поглощает все, что имеет органическую природу», — проговорил медицинский эксперт. Никто не возражал, полицейский, спускавшийся в колодец, предположил, что его длинный шест мог растревожить что-то неосязаемое, скрывавшееся в глубине. «Это было ужасно, — прибавил он. — Там совсем не было дна, только ил и пузырьки, но у меня было такое чувство, что под ними что-то прячется». Конь Амми все еще бился и ржал во дворе, почти заглушая голоса в доме. Амми бессознательно шептал: «Оно из того камня, но разрослось там, в колодце, сожрало все живое — оно питалось ими, мозгом и соками, Таддеуш, Мервин, Зенас, и Набби, Наум остался последним — они все пили воду оттуда. Теперь оно выросло — оно прилетело с неба, где у них все по-другому, теперь оно хочет улететь обратно».

В этот момент столб таинственного света начал извиваться, принимая формы, которые каждый потом описывал по-своему. Вдруг привязанный конь издал такой вопль, какого никто еще от коня

не слышал. Все в страхе зажали уши и подались от окна. Словами этого не передать — когда Амми через некоторое время решил взглянуть во двор, несчастное животное неподвижно лежало на земле рядом с обломками тележки. На следующий день его закопали, но в тот момент людям было не до погибшего коня. Неизвестная опасность уже была рядом. Лампа была давно погашена, но в комнате становилось все светлее. Светились широкие доски пола, угол красного ковра, оконные рамы. Цветные отблески мерцали по углам, сияли полки и камин, двери, мебель. Свет усиливался с каждой минутой, и становилось ясно, что тем, кто хочет остаться в живых, лучше поскорее покинуть это место. Амми провел их через заднюю дверь, по полю и лугу. Они шли, спотыкаясь, как сомнамбулы, и, пока не поднялись по склону холма, никто не посмел обернуться. Эта тропинка была их спасением, никто не рискнул бы пройти через передний двор мимо колодца. Им было достаточно и того, что пришлось миновать фосфоресцирующие скотный двор и сад, где деревья превратились в живые, шевелящиеся фонари, но, слава богу, их злое ветви были подняты высоко вверх. Когда они проходили по мостику через луговой ручей, луна скрылась за плотными облаками, и стало совсем темно.

Но далеко внизу, на ферме Наума, они видели страшную картину. Вся ферма сияла неопируемыми оттенками — деревья, постройки, даже трава, там, где она еще не стала серой и сухой. Ветви деревьев, вытянутые к небу, несли на себе тысячи огоньков, и их холодное пламя уже перекидывалось на коньки крыш дома, сарая и хлева. Все было охвачено этим мертвенным заревом, дьявольская радуга играла над колодцем, губительная для всего живого — она растекалась, пузырилась, кипела, отравляя все вокруг злое космическим цветом.

Затем внезапно цветное зарево устремилось вверх, словно запущенная ракета, и исчезло в небе, оставив лишь правильный круглый просвет в облаках. Все произошло в считанные мгновения, но никто потом не мог забыть этой картины. Амми стоял, уставясь вверх, на созвездие Лебедя, на сияющий Денеб, где неизвестный цвет влился в Млечный путь. Потом в низине раздались скрип и треск, именно скрип и треск ломающегося дерева, а не взрыв, утверждал Амми. Но результат был схожим — в одно мгновение ферма взлетела на воздух, ослепляя присутствующих, рассыпаясь фантастическими искрами, словно земля выталкивала в небо чуждое ей яркое, необычное вещество. Через сужающийся просвет в облаках оно тоже унеслось вверх и растворилось высоко в небе. Низина, куда никто не решился бы вернуться, покрылась мраком, и почти сразу же поднялся ветер, холодные порывы которого, казалось, шли прямо из черного космоса. Он гудел и завывал, тревожа окрестные леса, и они тоже зашумели, словно посылая ответ космосу. Было очевидно, что в эту ночь луна больше не покажется, и увидеть, что осталось от погибшей фермы несчастного Гарднера, не удастся.

Семеро скитальцев, уже слишком измученных, чтобы обмениваться предположениями, поспешили по окружной дороге к Эрксэму. Амми же до своей фермы нужно было еще пройти через густой, воющий лес, и он умалил остальных сначала проводить его до дома. Страх одолевал его больше, чем спутников, из-за навязчивого подозрения, о котором он с тех пор ни разу не обмолвился. Когда его товарищи, уже не оборачиваясь, шли по дороге в город, Амми все же решил в последний раз взглянуть на опустошенную темную низину, где нашел свой конец его несчастный друг. Издалека ему показалось, будто в том самом месте, откуда космический монстр устремился в небо, что-то еще пыталось подняться ввысь, но осталось на земле. Он различил только цвет — но не земной цвет. Он не мог ни с чем спутать этот цвет и с тех самых пор не знал покоя — частица той материи осталась-таки в недрах колодца.

Амми ни за что бы не согласился снова приблизиться к этому месту. Прошло уже сорок четыре года, но он ни разу там не был. Ему, несомненно, станет легче, когда новое водохранилище затопит низину. Мне тоже. Потому что, когда я шел мимо Окаянной пустоши, меня удивила своеобразная игра солнечных лучей над заброшенным колодцем. Надеюсь, водохранилище будет достаточно

глубоким, но пить из него я ни за что не стал бы. Не думаю также, что я когда-нибудь еще приеду в Эрххэм. Трое из бывших с Амми в ту ночь наутро вернулись взглянуть на развалины. Но там не было собственно развалин — кирпичная труба, каменный погреб, какой-то металлический мусор, ограда кошмарного колодца. Кроме коня, которого они оттащили на луг и закопали, и обломков тележки, которые они вернули Амми, на этом месте не осталось даже признаков жизни. Пять акров жуткой серой пустыни, где так ничего и не растет. До сих пор долина, похожая на кислотное пятно, выжженное среди лугов и полей, словно вглядывается в темное небо. Те немногие, кто, несмотря на крестьянские поверья, решался наведываться туда, прозвали это страшное место Окаянной пустошью.

Конечно, крестьянские суеверия — вещь своеобразная. Но они бы могли показаться еще более удивительными, если ученые горожане потрудились бы взять на анализ воду из заброшенного колодца или пыль, которую, кажется, не в силах развеять ветер. Ботаникам бы следовало изучить чахлые растения на границах пятна, они могли бы пролить свет на подозрение крестьян о том, что пустошь увеличивается — понемногу, может быть, на дюйм в год. Местные жители говорят, что цвет появляющихся весной растений какой-то не такой, а дикие животные оставляют необычные следы на снегу. И слой снега там вроде бы меньше, чем в округе. Кони — немногие оставшиеся в наш век моторов — начинают нервничать в той низине, а охотники жалуются, что в близлежащих лесах на собак нельзя положиться.

Еще говорят, что эта местность влияет на рассудок. После смерти Наума несколько человек помешались, возможно, потому, что им не хватало решимости вовремя уехать. Тогда уехали все те, кто еще сохранил здравый ум. В их ветшающих домах пытались селиться новые эмигранты, но и они не задерживались. Стоит задуматься, было ли это только влиянием местных предрассудков, передаваемых опасливым шепотом. Поселенцы жаловались, что здешние ландшафты навевают кошмарные сны, и, действительно, одного взгляда на окрестности достаточно, чтобы пробудились самые фантастические опасения. Путешественники, очутившись среди местных ущелий, испытывают глубокую тоску, и художники содрогаются, когда пишут окрестные дремучие леса, не только внешний вид, но и атмосфера которых кажется полной тайн. Я на себе испытал их давящее воздействие, еще до того, как услышал рассказ Амми. Я помню, как мне в сумерках было неуютно под открытым пустым небом, как я желал, чтобы его заслонили облака.

И не спрашивайте, что я думаю по этому поводу. Я не знаю — вот и все. Я имел возможность поговорить только с Амми, остальные местные жители избегали воспоминаний о Странных днях, а все ученые, исследовавшие метеорит и скрытый в нем цветной шарик, уже умерли. Там могли быть еще шарики, вроде найденного. Должно быть, один уже напитался и улетел, а другой пытался последовать за ним, но не успел. Несомненно, он еще в колодце, — я же помню, как мне что-то не понравилось в игре солнечных лучей над ним. Крестьяне говорят, что пустошь увеличивается по дюйму в год, — значит, он питается, растет. Но что бы за демон там ни сидел, это надо остановить, иначе опустошение продолжится. Или оно скрывается в корнях деревьев, которые голыми ветками хватались за небо? В Эрххэме упорно ходят слухи о толстых дубах, которые светятся и удивительным образом шевелятся по ночам, а такого не бывает с нормальными деревьями.

Только Богу известно что *это* было. Если обратиться к учению о состояниях вещества, то я думаю, что *это* можно было бы назвать газом, но этот газ не подчинялся законам нашего мира. *Это* был продукт других миров, которые нашим астрономам не увидеть даже в телескоп и не заснять на фотопленку. *Это* было дыхание иных небес, которые нашим ученым не измерить и не оценить. *Это* был всего лишь цвет, космический цвет — страшный посланец необъятных просторов бесконечности, непостижимой нам с нашими понятиями о природе, бесконечности, заключающей в себе иные миры, само существование которых кажется нам нереальным, и

раскрывающей нашему изумленному взору недоступные и пугающие, как все неведомое, черные бездны.

Я очень сильно сомневаюсь, что Амми сознательно дурачил меня вымышленными страхами, я также не думаю, что его рассказ — каприз больной психики, как меня настойчиво предупреждали местные жители. Нечто ужасное было занесено метеоритом в эрхэмские леса и долины и нечто ужасное еще остается в тамошней природе, хотя неизвестно, в каких количествах. Я буду очень рад, когда местность, наконец, затопят. Надеюсь, что до тех пор ничего плохого не произойдет с Амми. Он слишком много соприкасался с этим цветом, а ведь известно, как пагубно он влияет на попавших в поле его досягаемости людей. Почему Амми так и не уехал оттуда? Как подозрительно точно он запомнил последние слова, произнесенные несчастным Наумом: «...невозможно вырваться... затягивает... ты знаешь, что там что-то не то, но все равно не уходишь...». Амми такой славный старик — когда придут строительные бригады и начнутся работы, я напишу будущему главному инженеру, чтобы тот присматривал за одиноким поселенцем. Я бы не хотел, чтобы он превратился в рассыпающееся серое привидение, которое все чаще не дает мне спокойно спать.

*Перевод: Т. Таланова
1993 год*